

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИИ «СМЕХ» В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В современном языкознании растет интерес к сопоставительному анализу языков, развивается антропоцентрическая научная парадигма, язык рассматривается в качестве своеобразного культурного кода отдельных лингвокультурных общностей.

Смещение в последние десятилетия центра лингвистических исследований в сферу когнитивных и, в частности, концептологических исследований неизбежно привело к рассмотрению таких фундаментальных проблем, как структуры представления знаний о мире и способы их концептуализации в языке. Любой национальный язык отражает когнитивные структуры и вербализует концепты в свойственном только ему виде, специфически отражая объективную действительность. Своеобразие языковых систем состоит именно в особенностях комбинации единиц языка и значений, представленных в единой семантической картине мира. Семантическое пространство разных языков различается и по составу вербализованных концептов, и по принципам их структурной организации.

Вопрос о лингвистических единицах как носителях культурной информации является в настоящее время одним из наиболее актуальных. Среди таких номинаций языка наиболее «культуроносными» признаны фразеологические единицы, так как они связаны с языковым творчеством народа, с его представлениями, обычаями, древними обрядами, традициями, с образом его мышления и особенностями поведения. «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [4, с. 156].

Фразеологизмы важны для формирования коммуникативной компетенции, так как обладают большей по сравнению со словами выразительностью и смысловой наполненностью, во-первых, в силу указанной выше причины, а, во-вторых, благодаря своей экспрессивно-стилистической окраске и тому, что они являются единицами более высокого уровня обобщения, чем слова. Соответственно, целенаправленное изучение фразеологии способно оптимизировать формирование коммуникативной компетенции.

В современных исследованиях по фразеологии широкое распространение получило контрастивное описание материала разных языков с целью выявления специфичности или универсальности в реализации той или иной семантической категории. По словам Ю.С. Степанова, «сравнительное описание норм двух языков вскрывает ... «белые пятна» на семантической картине языка» [3, с. 120].

Выявление национальной специфики семантики дает возможность проследить национальные особенности языкового сознания народов. Так,

при сопоставлении фразеологических единиц русского и белорусского языков выявляется много общих черт, отражающих когнитивную, творческую и мыслительную деятельность людей.

Речевая способность человека теснейшим образом связана с его нервной деятельностью, с психофизиологией. Недаром И.А. Бодуэн де Куртене неоднократно указывал на ее психическую сущность: «Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим» [7, с. 386]. Потому весь ее понятийный аппарат является по сути психологическим. Будучи проявлением высшей нервной деятельности человека, эмоции специфичны по отношению к языку. С одной стороны, они являются частью объективной действительности и поэтому могут быть отражены в языке, а с другой стороны, эмоции «участвуют в формировании языковой картины мира», они – «инструмент отражения самих себя и других объектов действительности...» (8, с. 7-8). Наконец, лингвисты выделяют в эмоциях то, что определяет их языковое выражение: «Эмоции ... отражают не предметы и явления реального мира, а отношения, в которых они находятся к человеку, то есть не свойства предметов и явлений, а их значение для жизни человека. ... Эмоции есть только там, где есть интерес и отношения» [8, с. 23].

Эта двусторонность эмоций ярко проявилась во фразеологии, в частности, в существовании единиц:

1) с денотативным значением «эмоции» (эмоции выступают здесь как объект номинации);

2) тех, в которых эмоция представлена коннотацией, то есть эмотивность является компонентом их значения.

Предметом нашего исследования являются особенности репрезентации фрейма «смех» в семантике русских и белорусских фразеологических единиц. Смех как междисциплинарный коммуникативный феномен, пронизывающий сферы общественной жизни, приобретает универсальный мировоззренческий характер. Подобное положение делает его одним из ценных свидетельств истории человечества как развития и взаимодействия культур, важным явлением, способствующим пониманию общественных процессов настоящего, и ценностно-регулятивным феноменом, очерчивающим контуры будущего. Вследствие этого значимым является рассмотрение смеха как целостного социокультурного явления, через динамику и логику существования которого объемно проявляются социальные отношения и культурная динамика, традиции, нормы, ценности человека и человечества.

Отметим, что главное внешнее отличие русского (и в целом восточнославянского) отношения к смеху от, скажем, западноевропейского состоит в том, что на Руси, несмотря на пристрастие народа к веселым массовым праздникам, никогда не было «смеховой культуры» (М.М. Бахтин) в той форме, в какой она существовала на Западе. Русская церковь в целом не поощряла смеховых действий языческого происхождения, что повлияло на

дальнейшее формирование русской ментальности и нашло отражение в языке. Так, например, *смех* у нас систематически рифмуется с *грех*: *И смех и грех*; *Мал смех, да велик грех*; *Где грех, там и смех*; *Сколько смеху, столько греху*. Вместо слова грех могут использоваться синонимичные лексемы горе, беда: *И смех и беда*; *И смех и горе*.

Смех, по В. И. Далю, есть «хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа; но есть и смех осмеяния, смех презрения, злобы и пр...» и далее: «...Смех есть среднее выражение между улыбкой и хохотом» [2].

Таким образом, фрейм представлен довольно сложным процессом взаимодействия различных лексико-семантических полей. Это не только сама лексема *смех*, но также гнездо синонимов, дериватов и однокоренных имен слов: *усмешка, хохот, смешинка, насмешливо, улыбнуться, улыбка* и т.д. Ядро составляют синонимы *смех* и *хохот*. Остальные слова входят в пласт ближайшего к ядру окружения: первый околоядерный слой составляют лексемы, выражающие полноту эмоции (*смешить, смеяться, насмешливо, хохотать* и т.д.); второй – неполноту эмоции (*усмешка, улыбнуться, хихикнуть, хмыкнуть* и т.д.).

Общим для русской и белорусской фразеологии является прежде всего репрезентация смеха ядерными и околоядерными лексемами. Они чаще всего употребляются для характеристики действий определенного множества людей и выражают внешнюю поведенческую реакцию человека, т. е. акциональные действия: «*Надрывать животики [кишки]*; *Хохотать до изнеможения*; «*Крепкоголовые*» *хихикали и надрывали животики, видя, как крикливый господин... вдруг прикусывал язычок* (Салтыков-Щедрин, Помпадуры и помпадурши)» [6, с.262]; *За бакі (за бокі, за жываты) брацца (хапацца, хватацца)*; *Каля яго [з яго] за жываты браліся. Бых.*» [9, с. 97]. Контексты, вербализующие массовые сцены, воспроизводят языческую составляющую праздника со свойственной ему семантикой веселья. Поэтому этот тип можно также назвать «праздничным смехом». Объект этого смеха – практически любой образ, а его цель – создание комического эффекта и, соответственно, эмосемантики текста.

Фразеологизмы *надрывать животики* и *бакі рваць*, хотя и не могут считаться полными эквивалентами из-за разницы в лексическом оформлении, по сути, репрезентируют одинаковые компоненты фрейма (одушевленный субъект; производство резкого, высокого, громкого звука голосом; выражение интенсивной, чаще положительной эмоции; имплицитный объект) и формируют общее значение «весело и громко смеяться над кем-то или чем-то».

Существенными качествами аффективно-эмоциональной сферы, характеризующими положительный и отрицательный полюсы в эмоции, являются приятное и неприятное. В эмоциональных состояниях сказываются также противоположности напряжения и разрядки, возбуждения и подавленности. Наряду с улыбками, усмешками и ухмылками, во фразеологии обоих языков встречаются и состояния, обозначающие

помрачение сознания, потерю самообладания: *смеяться до слёз; помирать со смеху; рваць бакі; пазрываць бакі*.

В словаре В.Д. Даля наряду с «простодушным и задумчивым» смехом зафиксирован также смех «злостный, злорадный, сардонический» [2]. Необходимо отметить, что непосредственно эти виды смеха не нашли широкого отражения во фразеологии обоих языков. Отмечаются лишь единичные примеры: *выставлять на смех; морить со смеху; поднимать на смех (кого, что)*. В то же время в лексике отмечается большое количество единиц с подобными значениями: смеяться (над чем), издеваться, осмеивать, насмехаться; шутить, трунить, изгаляться, зубоскалить; смеяться (чему), не уважать, презирать, не бояться, не исполнять, ругаться (над чем), кощунствовать. В русских и белорусских фразеологизмах встречается лишь элемент насмешки, подтрунивания. В единицах этой группы реализуется такой тип смеха, который формируется, как правило, имплицитно, носит иронический характер и не направлен на провоцирование смеховой реакции у читателя: *как (будто, словно, точно) на смех; кепікі (кпінкі, кепінкі; смехі, смешкі, смешачкі, жартачкі) строіць з каго*.

В отдельную группу фразеологизмов исследуемых языков мы выделяем единицы, выражающие особую разновидность смеха. Этот тип смешного не обладает признаками динамичности, стремительности, порывистости и прочими, которые признаны в качестве основных. Это явление внутреннего порядка, связанное с созданием комического эффекта, выражением чего-то «забавного, потешного, возбуждающего смех; служащее посмешищем, достойное посмеяния» [2]. Удельный вес таких единиц с шутливой коннотацией довольно высок. В академических источниках по фразеологии они сопровождаются пометой «шутливое». Чаще всего единицы этой группы создаются путем метафорического переноса, например: *горе луковое* (о незадачливом, нерасторопном человеке, недотепе) [6, с. 117]; *морковкино заговенье* (о неопределенно отдаленном времени; времени, которое никогда не наступит) [6, с.161]; *заливаться [разливаться] соловьем* (говорить красноречиво, с увлечением) [6, с. 167]; *на абаранкі зарабіць* (о наказанном розгами или хлыстом) [9, с. 233]; *чыста хадзіць каля посуду (пасудку, чаркі, міскі, талеркі)* (о человеке, который выпивает до дна спиртное, сколько бы раз не подносили) [9, с. 387].

Довольно редко среди единиц этой группы встречаются случаи

а) метонимии: *история с географией* (о неожиданном обороте дела, непредвиденном обстоятельстве; происходит от старинного названия школьной дисциплины, на уроках по которому происходили различные курьёзы) [1, с. 275];

б) гиперболы: *як на сто коней сеў* (очень, чрезвычайно рад);

в) парафраза: *Комбинация из трех пальцев* (кукиш).

Таким образом, эмоционально-реактивный феномен «смех» в русской и белорусской фразеологии представлен широко. В обоих языках репрезентация смеха происходит следующим образом:

а) непосредственно через лексемы, называющие это явление (*ку□рам на смех* и *кура□м на смех* в белорусском языке);

б) через фразеологические единицы, называющие смех метафорическим способом (*надрывать животики [кишки]*; *бакі рваць*);

в) путем метафорического названия различных явлений, при которых категория смешного реализуется на уровне коннотативных элементов фразеологической семантики (*смешинка в рот попала*; *чыста хадзіць каля чаркі*).

Литература

1. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. Под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. М., 2005.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. Т. 3. М., 1987.
3. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
4. Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999 / Ответ. ред. В.Н. Телия.
5. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы / Сост. І. Я. Лепешаў. Минск, 1993
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.
7. Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.Филина. М., 1973.
8. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.
9. Янкоўскі Ф. Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне. – Минск, 1968.